

**ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**  
**ПОСТАНОВЛЕНИЕ**  
**КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ ЧАСТИ**  
**2 СТАТЬИ 236 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РА НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ КАК**  
**МИНИМУМ ОДНОЙ ПЯТОЙ ОТ ОБЩЕГО ЧИСЛА ДЕПУТАТОВ**  
**НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ**

г. Ереван

29 апреля 2026 г.

Конституционный Суд в составе:

председательствующего: Армана Диланяна,

судей: Артака Зейналяна,  
Давида Хачатуряна,  
Ерванда Хундкаряна,  
Овакима Овакимяна,  
Эдгара Шатирияна,  
Седы Сафарян,  
Артура Вагаршяна (докладчик),  
Владимира Варданяна,

с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания  
(далее также – Заявитель),

представителя Заявителя – депутата Арцвика Минасяна,

ответчика – Национального Собрания (далее также – Ответчик)

представителя Ответчика – начальника Юридического управления Аппарата  
Национального Собрания Мари Степанян,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 2 части 1 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции части 2 статьи 236 Уголовного кодекса РА на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания”.

Изучив обращение и прилагаемые к нему документы, письменные объяснения, позиции Заявителя и Ответчика, консультативное заключение Венецианской комиссии CDL-AD (2025)037, вспомогательное заключение Защитника прав человека РА, а также проанализировав оспариваемые и другие относимые положения закона, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

#### **А. Производство в Конституционном Суде**

**1. Уголовный кодекс Республики Армения** (далее также – Кодекс) принят Национальным Собранием 5 мая 2021 года, подписан Президентом Республики 27 мая 2021 года и вступил в силу 1 июля 2022 года.

**2. Часть 2 статьи 236 Кодекса, озаглавленной “Воспрепятствование проведению собрания или участию в нем либо принуждение к участию в собрании, а также создание материальной заинтересованности в участии в собрании или отказе от участия в собрании”, устанавливает:**

*“2. Принуждение к участию в законном или незаконном собрании под угрозой применения насилия в отношении лица, его близкого родственника или близкого лица, уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо путем шантажа, а также создание материальной заинтересованности лица в участии в собрании либо отказе от участия в собрании –*

*наказывается штрафом от десятикратного до тридцатикратного размера, или общественными работами продолжительностью от ста до двухсот часов, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет, или ограничением свободы на срок от одного года до трех лет, или краткосрочным лишением свободы на срок от одного до двух месяцев, или лишением свободы на срок не свыше трех лет”.*

**3. В статью, являющуюся предметом настоящего рассмотрения, Законом НО-240-Н от 9 июня 2022 года внесены следующие изменения:**

1) заголовок после слов “к участию в нем” дополнить словами “, а также создание материальной заинтересованности в участии в собрании или отказе от участия в собрании”;

2) часть 2 после слов “путем шантажа” дополнить словами “, а также создание материальной заинтересованности лица в участии в собрании либо отказе от участия в собрании”;

4. Поводом к рассмотрению дела явилось обращение не менее одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания, зарегистрированное в Конституционном Суде 21 июня 2024 года.

5. Процедурным решением Конституционного Суда ПРКС-107 от 3 июля 2024 года дело было принято к рассмотрению, и судебное разбирательство по делу назначено на 15 октября 2024 года.

6. Письмом судьи-докладчика по настоящему делу от 6 августа 2024 года СКС-28 из Следственного комитета Республики Армения была истребована обобщенная информация об инициированных по части 2 статьи 236 Уголовного кодекса Республики Армения уголовных производствах, находящихся в досудебном производстве, а также о тех инициированных уголовных производствах, по которым было принято решение об их прекращении. Ответное письмо из Следственного комитета РА было зарегистрировано в Конституционном Суде 14 августа 2024 года.

7. Письмом судьи-докладчика по настоящему делу от 6 августа 2024 года СКС-29 из Генеральной прокуратуры Республики Армения была истребована обобщенная информация об инициированных по части 2 статьи 236 Уголовного кодекса Республики Армения уголовных производствах, находящихся в досудебном производстве, а также о тех инициированных уголовных производствах, по которым было принято решение об их прекращении. Ответное письмо из Генеральной прокуратуры РА было зарегистрировано в Конституционном Суде 19 августа 2024 года.

8. Письмом судьи-докладчика по настоящему делу от 6 августа 2024 года СКС-30 из Судебного департамента была истребована обобщенная информация о рассматриваемых и рассмотренных компетентными судами Республики Армения уголовных делах по обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 236

Уголовного кодекса Республики Армения. Ответное письмо из Судебного департамента было зарегистрировано в Конституционном Суде 9 августа 2024 года.

9. Процедурным решением Конституционного Суда от 11 октября 2024 года ПРКС-156 производство по настоящему делу было приостановлено на основании пункта 5 части 1 статьи 56 Конституционного закона “О Конституционном Суде” до получения консультативного заключения (*amicus curiae*) Европейской комиссии “За демократию через право” (далее также – Венецианская комиссия) по следующему вопросу: соответствует ли формулировка части 2 статьи 236 Уголовного кодекса Республики Армения “создание материальной заинтересованности лица в участии в собрании либо отказе от участия в собрании” европейским стандартам принципа правовой определенности.

10. Консультативное заключение Венецианской комиссии CDL-AD(2025)037 (N 1252/2025) (далее также – Консультативное заключение) было получено 13 октября 2025 года<sup>1</sup>.

11. Письмом судьи-докладчика по настоящему делу от 19 декабря 2025 года СКС-65 из Следственного комитета Республики Армения были истребованы копии постановлений о возбуждении уголовного преследования по инициированным по части 2 статьи 236 Уголовного кодекса Республики Армения уголовным производствам, находящимся на стадии досудебного производства, а также копии постановлений о прекращении производства по уголовным производствам, инициированным с момента вступления в силу указанного положения. Копии истребованных документов были зарегистрированы в Конституционном Суде 29 декабря 2025 года.

12. Письмом судьи-докладчика по настоящему делу от 19 декабря 2025 года СКС-66 из Судебного департамента были истребованы копии обвинительных заключений по уголовным делам, рассматриваемым компетентными судами Республики Армения по обвинению в совершении деяния, предусмотренного частью 2 статьи 236 Уголовного кодекса Республики Армения. Копии истребованных документов были зарегистрированы в Конституционном Суде 15 января 2026 года.

13. Процедурным решением Конституционного Суда от 6 февраля 2026 года ПРКС-15 производство по делу было возобновлено, а судебное разбирательство назначено на 14 апреля 2026 года. Процедурным решением Конституционного Суда от 14 апреля 2026

---

<sup>1</sup> Доступно по ссылке: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2025\)037-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2025)037-e):

года ПРКС-53 судебное разбирательство по делу было отложено, а новое судебное заседание назначено на 28 апреля 2026 года.

## **Б. Позиции Заявителя**

**14.** По убеждению Заявителя, свобода собраний может привести к нарушению общественных интересов или прав других лиц исключительно в тех случаях, когда нарушаются закрепленные Конституцией основополагающие положения, создается угроза правам и свободам других лиц и/или их защите и гарантированию, что никак не связано с предполагаемой целью запрета **создания материальной заинтересованности** у участников собрания. Подобная цель никоим образом не установлена в источниках как национального, так и международного права. Более того, международная практика однозначно свидетельствует, что **создание** формальной **материальной заинтересованности** у участника собрания в определенных случаях не только является распространенным явлением, но и носит строго регламентированный характер.

**15.** Согласно Заявителю, Уголовным кодексом РА запрещено и даже установлена уголовная ответственность за деяние, которое в силу статьи 44 Конституции законом, призванным регулировать отношения, непосредственно связанные со свободой мирных собраний, вообще не рассматривается как запрещенное деяние.

**16.** Заявитель утверждает, что “Конституция не предусматривает какой-либо цели, направленной на исключение в контексте свободы мирных собраний создания интереса к участию в собрании, в том числе посредством **создания материальной заинтересованности**. Особенно с учетом многозначности словосочетания “материально заинтересовать” становится еще более очевидным, что положения уголовного законодательства, касающиеся собраний и свободы собраний, должны содержать такие регулирования, которые созвучны предусмотренной Конституцией РА гарантии свободы собраний и никоим образом не ограничивают ее”.

**17.** Заявитель, обращаясь к вопросу общественной опасности **создания материальной заинтересованности** как установленного Конституцией основания ограничения свободы, отмечает, что любое собрание предполагает также определенную заинтересованность, в том числе материальную. Более того, призывы, предложения и обещания, высказываемые в ходе собраний, могут также иметь характер **создания материальной заинтересованности**. В

качестве примера Заявитель приводит призывы к снижению либо полной отмене различных налогов, пошлин, штрафов и платежей, к применению амнистии в отношении них, к повышению заработной платы и пенсий, которые, по его мнению, также содержат обязательные элементы состава деяния, описанного в оспариваемой норме, “(...) в то время как вследствие этого лица неправомерно и противоречащим Конституции образом лишаются возможности заниматься политической деятельностью и лишаются свободы действий”.

**18.** Заявитель также отмечает, что термин **“создание материальной заинтересованности”** в целях участия в собрании либо отказа от участия в собрании является проблематичным также в плане того, что любые действия организатора собрания, направленные на материальное содействие участию в собрании, которые по существу носят организационный характер (например, возмещение или компенсация транспортных расходов, обеспечение питания и иных потребностей и др.), могут быть квалифицированы как преступления, поэтому с точки зрения ответственного поведения представляется разумным и, следовательно, недопустимым формирование такого законодательства, которое, не учитывая указанные обстоятельства, выходит за рамки принципов subsidiarity и целесообразности и/или противоречит им.

**19.** Заявитель утверждает, что термин **“создание материальной заинтересованности”** сам по себе является неопределенным. В условиях такой неопределенности возможна ситуация, при которой лицо будет подвергнуто уголовному преследованию и привлечено к ответственности даже тогда, когда материальная заинтересованность толкуется как любое содействие — обеспечение транспортом, организация питания и проживания, вплоть до изготовления и предоставления плакатов, что выходит за рамки разумного, а с правовой точки зрения является неопределенным, в связи с чем ее адресаты не в состоянии проявить соответствующее поведение.

**20.** Ссылаясь на ряд выраженных Конституционным Судом правовых позиций, Заявитель отмечает, что оспариваемая норма предусматривает пассивное и неопределенное вмешательство в основное право человека на личную свободу, сформулирована настолько неопределенно, что не позволяет понять ее смысл, вследствие чего может привести к непредсказуемому, следовательно, также к произвольному применению, и допускает расширение границ преступления в связи с отсылкой к конституционным нормам, характеризующимся чрезвычайно высокой степенью абстрактности.

**21.** Заявитель приходит к выводу, что высокая степень неопределенности сама по себе не была бы настолько проблематичной, если это проявление диспозиции состава преступления было бы сформулировано четко и позволяло бы разумно идентифицировать способ выражения описываемого деяния. В то время как при такой формулировке лицо, реализуя свои конституционные права, организуя и проводя собрание или занимаясь подобными подготовительными работами, может быть подвергнуто уголовному преследованию за дачу обещаний или представление программ до начала собрания или в ходе его проведения в случае, когда они имеют материальную основу или непосредственно взаимосвязаны с социально-правовыми вопросами, либо лицо может быть подвергнуто уголовному преследованию в случае, когда в качестве организатора несет определенные естественные, разумно предполагаемые и предсказуемые расходы.

**22.** Заявитель считает, что высокая степень неопределенности нормы, очевидная несоразмерность установленной ответственности, ее проявление в правоприменительной практике существенно влияют и на другие гарантированные Конституцией основные права человека, в том числе на свободу выражения мнения, свободу объединений и др., которые фактически оказываются заблокированными, подрывая конституционные и конвенционные гарантии основных прав и свобод человека.

**23.** Заявитель в результате анализа ряда международных документов приходит к выводу, что предусмотренная статьей 236 Уголовного кодекса РА оспариваемая норма о “создании материальной заинтересованности в участии в собрании” не соответствует Конституции, поскольку не преследует ни одну из предусмотренных Конституцией целей, и предусмотренное данной нормой ограничение выходит за пределы ограничений, установленных ОБСЕ, а также не учитывает практику органов, действующих на основании международных договоров Республики Армения о правах человека.

**24.** Ответчик отмечает, что свобода собраний – это право лица на формирование или выражение общего мнения по представляющим общественный интерес вопросам. Указанное право не является абсолютным и может подлежать ограничениям в целях защиты определённых интересов.

**25.** По мнению Ответчика, принуждение к реализации прав на участие в собраниях, на свободу выражения мнения и свободу мнения, равно как и создание материальной заинтересованности не вытекает из сущности этих прав, а представляет собой прямое

вмешательство в конституционные права человека. Личное мнение формируется на основе внутренних убеждений человека, и принуждение лица мыслить вопреки своим убеждениям или за материальное вознаграждение выражать мнение, не соответствующее его внутренним убеждениям, нарушает его конституционное право.

## **В. Позиции Ответчика**

(...)

**26.** По мнению Ответчика, принуждение лиц к участию в собрании посредством создания материальной заинтересованности ставит под сомнение сам факт подлинности такого собрания. Иными словами, если лицо участвует в собрании только по причине “получения вознаграждения”, то подрываются природа и идея участия в собраниях на основе личных убеждений и собрания в целом. Таким образом, любая попытка заставить или принудить человека к участию в мирном собрании нарушает его конституционные права и подрывает добровольный характер собраний и объединений.

**27.** Ответчик приходит к выводу, что осуществление лицом своего установленного статьей 44 Конституции конституционного права является вопросом его собственного усмотрения. Склонение лица посредством создания материальной заинтересованности к реализации своего права на участие в собраниях либо принуждение к реализации этого права уже представляет собой вмешательство в конституционное право лица. Учитывая добровольный характер собраний, сущность, идею и цель их проведения и/или принимая во внимание конституционные права человека на свободу самовыражения, свободу выражения мнения и свободу участия в собраниях, и исходя из рисков возможных нарушений эффективной реализации этих прав, законодатель криминализировал это деяние, чтобы исключить и/или предотвратить принудительное участие лица в собраниях либо выражение им в ходе собраний ложных убеждений.

**28.** Ответчик утверждает, что в целях гарантирования возможности свободно пользоваться правом, предусмотренным статьей 44 Конституции, а также во избежание возможных препятствий реализации этого права частью 2 статьи 236 Кодекса четко предусмотрено, что принуждение к участию в законном или незаконном собрании, а также создание материальной заинтересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в нем наказываются.

**29.** Ответчик отмечает, что обещания, данные во время мирных собраний, акции протеста или демонстрации обычно отражают требования, недовольства или стремления, пожелания участников. Такие обещания различаются в зависимости от конкретного контекста и/или поднятых проблем и вопросов.

**30.** Согласно Ответчику, любой мотив может оказывать влияние на истинное убеждение лица. Следовательно, в целях предотвращения вмешательства в конституционное право лица на свободу собраний законодатель предусмотрел уголовную ответственность во всех случаях, когда лицо принуждают к участию в собрании, а также когда его материально заинтересовывают в участии в собрании либо в отказе от участия в нем. “Такой подход не является самоцелью, призван гарантировать беспрепятственную реализацию конституционного права лица, предотвращая выражение лицом мнимого мнения либо его вынужденное участие в собрании вследствие обремененности определенным обстоятельством или нахождения в зависимости от определенного обстоятельства”.

**31.** По мнению Ответчика, политические обещания, включая законодательные изменения, реформы и заверения об их реализации в ходе политической деятельности, нельзя отождествлять с созданием материальной заинтересованности лица в участии в собрании, поскольку при толковании сущности преступления, предусмотренного частью 2 статьи 236 Кодекса, в контексте данной статьи, главы, раздела и всего нормативного правового акта в целом становится совершенно очевидным, что создание материальной заинтересованности лица в участии в собрании или, наоборот, в отказе от участия является деянием, целью которого является обеспечение участия или отсутствия лица на данном собрании, а не обещание осуществления реформ, обусловленное будущей политической деятельностью. То есть средством достижения цели преступления, предусмотренного статьей 236 Кодекса, является создание материальной заинтересованности, “посредством чего лицо, совершившее предполагаемое преступление, реализует свою цель – умышленное доведение лица до отказа от участия в собрании либо, наоборот, обеспечение его участия в собрании, а озвученные в ходе собрания политические заявления и призывы для лиц, уже участвующих в нем, не могут расцениваться как способ совершения преступления, предусмотренного статьей 236 Кодекса, следовательно, выходят за рамки правового регулирования указанного положения”.

**32.** Ответчик приходит к выводу, что в контексте оспариваемого положения понятие “создать материальную заинтересованность” означает такое обстоятельство, используя которое либо будучи заинтересованным или обремененным которым лицо участвует в собрании либо отказывается от участия в нем, и необходимо различать обещание (создать материальную заинтересованность), данное за участие в собрании или отказ от участия в нем, от обещания, выражающего твердую готовность осуществить в будущем определенные реформы.

**33.** Таким образом, основания и пределы ограничений должны быть сформулированы с достаточной степенью определенности, чтобы носители и адресаты соответствующих прав и свобод могли согласовывать с ними свое поведение, то есть правовое регулирование должно быть максимально четким и обеспечивать предсказуемость.

**34.** Словосочетание “создать материальную заинтересованность” употребляется также в статьях 46 и 210 Кодекса, и толкование рассматриваемого понятия в контексте этих статей раскрывает также смысл понятия “создать материальную заинтересованность”, используемого в оспариваемой статье. Употребленное в оспариваемой норме понятие само по себе является однозначным, определенным, его смысл раскрыт и не создает неопределенности. Согласно Ответчику, оспариваемое положение не ограничивает лицо в формировании своего поведения или в предвидении того, какими могут быть действия публичной власти и какие последствия могут наступить вследствие применения данного правового регулирования, то есть лицо не лишено возможности привести свое поведение в соответствие с требованиями положения.

**35.** Ответчик считает, что часть 2 статьи 236 Кодекса с точки зрения определенности не является проблематичной, не проблематична она также с точки зрения соответствия принципу соразмерности, так как оспариваемым положением установлены такие меры, которые являются соразмерными в вопросе наказания за посягательство, направленное против осуществления конституционного права лица свободно участвовать в мирных, безоружных собраниях и организовывать их. Ответчик утверждает, что в указанной статье вмешательство в основное право необходимо, поскольку поставленная цель не может быть достигнута иным, но столь же эффективным путем, который в меньшей степени ограничивал бы защищенное соответствующим основным правом правовое благо.

**36.** По мнению Ответчика, оспариваемое положение соответствует Конституции.

## **Г. Рамки конституционно-правового спора**

**37.** Рассмотрение дела в рамках осуществляемого по настоящему конституционному спору абстрактного конституционного контроля в пределах представленных Заявителем обоснований будет касаться конституционности установленной частью 2 статьи 236 Кодекса законодательной формулировки преступного деяния – создания материальной заинтересованности в участии в собрании либо отказе от участия в собрании – в контексте соответствия праву на свободу собраний, закрепленному статьей 44 Конституции, а также принципу правовой определенности, гарантированному статьей 79 Конституции.

#### **Д. Вопросы, подлежащие выяснению в рамках дела**

**38.** С целью оценки конституционности оспариваемого по настоящему делу положения Конституционный Суд считает необходимым обратиться, в частности, к следующим вопросам:

А) Соответствует ли предусмотрение уголовной ответственности за создание материальной заинтересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в собрании конституционным регулированиям относительно свободы собраний, закрепленным в статье 44 Конституции?

Б) Сформулировано ли оспариваемое правовое регулирование в соответствии с критериями правового государства, с достаточной степенью определенности и точности, позволяющей понять требование законодателя, предвидеть его последствия и привести поведение лица в соответствие с этими требованиями, в свете принципа правовой определенности, закрепленного в статье 79 Конституции?

#### **Е. Конституционные положения, касающиеся разрешения спора**

**39. Статья 1 Конституции гласит:** “Республика Армения – (...), демократическое, (...), правовое государство”.

**40. Части 1 и 2 статьи 3 Конституции, озаглавленной “Человек, его достоинство, основные права и свободы”, гласят:**

“1. В Республике Армения человек – высшая ценность. Неотчуждаемое достоинство человека – неотъемлемая основа его прав и свобод.

2. Уважение и защита основных прав и свобод человека и гражданина – обязанности публичной власти”.

**Статья 23** Конституции, озаглавленная “Достоинство человека”, гласит:

“Достоинство человека не подлежит умалению”.

**41. Статья 44 Конституции, озаглавленная “Свобода собраний”, гласит:**

“1. Каждый имеет право на свободное участие и организацию мирных собраний без оружия.

(...)

4. Условия и порядок осуществления и защиты свободы собраний устанавливаются законом.

5. Свобода собраний может быть ограничена только законом – в целях государственной безопасности, предупреждения преступлений, защиты общественного порядка, здоровья и нравственности или основных прав и свобод других лиц”.

**42. Статья 79 Конституции, озаглавленная “Принцип определенности”, гласит:**

“При ограничении основных прав и свобод законы должны устанавливать основания и объем этих ограничений, быть в достаточной мере определенными, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение”.

## **Ж. Правовые позиции Конституционного Суда**

### **а) Относительно содержания конституционных положений основного права на свободу собраний и их системного соотношения**

**43.** Для разрешения настоящего конституционного спора важное значение имеет раскрытие правового содержания основного права на свободу собраний, закрепленного статьей 44 Конституции, а также соотношения оснований и порядка ограничения этого права.

**44.** Из буквального содержания части 1 статьи 44 Конституции вытекает, что право на свободу собраний предполагает две отдельные правовые возможности: **(1)** каждый имеет право свободно, мирно и без оружия участвовать в собраниях (право на участие в собраниях); **(2)** каждый имеет право свободно организовывать мирные собрания без оружия (право на организацию собраний).

45. Из Конституции следует, что носителем **основного права на участие в собраниях** является каждое лицо, обязанными перед которым субъектами являются все и каждый, а также публичная власть. В соответствии с этим части 2 и 3 статьи 6 Закона “О свободе собраний” от 14 апреля 2011 года (далее – Закон) устанавливают, что участником собрания является лицо, которое во время проведения собрания находится в месте собрания с целью участия в собрании, и никто не вправе принуждать лицо к участию в каком-либо собрании или препятствовать его участию в каком-либо собрании.

46. Условиями реализации конституционного субъективного права на участие в собраниях являются мирный характер собрания, отсутствие оружия у его участников и свободное участие, то есть участие должно проходить мирно или иметь мирный характер, без оружия, а решение об участии должно приниматься лицом на основании свободного волеизъявления или свободного выражения, иными словами, участие субъекта в собрании должно быть свободным от принуждения, угроз, шантажа и иных форм воздействия на свободу волеизъявления.

47. Следовательно, адресаты права на участие в собраниях – другие лица и публичная власть – обязаны воздерживаться от препятствования участию в собраниях, а также от принуждения к участию в них (угрозы, шантаж и т.д.) или от обеспечения участия либо неучастия иными представляющими общественную опасность способами.

48. Субъектом, обладающим конституционным правом на **организацию собраний**, является организатор собрания. Согласно части 1 статьи 7 Закона организатором собрания может являться каждое лицо, имеющее право на участие в собрании, а также любое юридическое лицо. В соответствии с частью 2 той же статьи 7 Закона организатор собрания является руководителем собрания, если им руководство собранием не поручено другому лицу.

49. Основной стороной, обязанной перед организатором собрания как правообладателем, является публичная власть, которая несет обязанность обеспечивать конституционное право организатора на проведение собрания в соответствии с установленными Конституцией критериями и предусмотренным законом порядком. Условия реализации этого правоотношения те же – мирно, без оружия и свободно. Однако в случае права на свободу организации собраний конституционное понятие “свободное” приобретает новый смысл и направлено на гарантирование свободной процедуры организации собрания, чтобы организаторы могли беспрепятственно осуществлять свое право на организацию собрания.

50. Если в случае права на свободное участие в собраниях конституционное понятие “свободное” в первую очередь предполагает автономию и свободу воли участника, то в случае права на организацию собраний оно в первую очередь означает свободную процедуру проведения собрания, гарантом обеспечения которого является публичная власть, обязанная установить такой порядок организации собрания, который позволит свободно, без лишних запретов и препятствий организовать и провести собрание.

51. Конституционный Суд считает необходимым уделить особое внимание раскрытию конституционно-правового содержания закрепленного в части 1 статьи 44 Конституции термина “свободное”, исходя из того, что это обладающее богатым правовым содержанием ключевое понятие, включающее важнейшие конституционные условия, определяющие объем и пределы права на свободу собраний, а также порядок его осуществления.

52. В соответствии с философией свободы как основной конституционной ценности прав человека структура содержания установленного частью 1 статьи 44 Конституции термина “свободное” включает реальные возможности совершения определенных действий, составляющих содержание субъективного конституционного права, свободу от нелегитимного вмешательства других лиц при реализации этого права, а также автономию воли и самоопределение правообладателя, что, как целостность внутренних и внешних элементов, составляет ядро конституционно-правового содержания права на свободу собраний.

53. Конституционный Суд в соответствии с вышеуказанной методологией в конституционном содержании одного из элементов права на свободу собраний – права на свободное участие в собраниях (права на участие в собраниях) – выделяет как минимум три аспекта свободы правообладателя: **позитивную свободу, негативную свободу и свободу воли.**

54. В конституционной формуле права на участие в собраниях понятие “свободное” **предполагает позитивную свободу (status activus)**, что означает свободу делать что-то, свободу действия, которая в объективном праве выражается в праве на участие в собрании и иных вытекающих из него субъективных правах, предполагая практическую поведенческую свободу лица как носителя субъективного права, при которой оно обладает реальной возможностью совершать определенные действия, в конкретном случае – участвовать в собраниях, выражать свою точку зрения и т.д.

55. В конституционной формуле права на участие в собраниях понятие “свободное” **предполагает негативную свободу (status negativus)**, которая выражается в статусе индивида,

свободного от создаваемых другими субъектами препятствий и ограничений, а также от насилия, и юридически закрепляется как гарантия равноправия, запрета дискриминации, личной безопасности, автономии личности и т.д. Негативная свобода порождает для других лиц и публичной власти обязанность воздерживаться от нарушений прав и интересов субъекта, участвующего в собрании. Публичная власть одновременно исполняет также обязанность гаранта негативной свободы права на участие в собраниях.

**56.** В структуре права на участие в собраниях негативная свобода касается той правовой и фактической среды, в которой лицо может действовать и реализовать свое право, что, в числе прочего, включает: **(1) отсутствие несоразмерного вмешательства со стороны публичной власти**, в соответствии с чем она обязана воздерживаться от излишнего вмешательства (например, необоснованные запреты, административные препятствия и т.д.); **(2) исключение произвольных ограничений**, предусматривающее недопустимость таких административных или законодательных регулирований, которые по своему характеру либо своим применением являются произвольными и несоразмерно ограничивают основное право; **(3) равный доступ**, а именно - право должно реализовываться без дискриминации: понятие “свободное” включает конституционно-правовое требование, согласно которому каждый должен иметь равные возможности для участия в собраниях, независимо, в числе прочего, от своих политических или иных убеждений и взглядов; **(4) обеспечение благоприятных условий для реализации права**, предусматривающее, что понятие “свободное” не ограничивается лишь требованием невмешательства, оно включает также позитивную обязанность государства обеспечивать такую среду, в которой свобода участия в собраниях может быть эффективно реализована (например, обеспечение безопасности, предотвращение столкновений противоположных групп и т.д.).

**57.** В конституционной формуле права на участие в собраниях понятие “свободное” предполагает свободу воли (*status libertas voluntatis*), которая является внутренней характеристикой индивида и характерным ему как человеку естественным свойством. Законодатель в первую очередь обусловливает свободу воли правосубъектностью лица. Так, согласно части 4 статьи 8 Закона лица в возрасте до 14 лет могут организовывать собрание только с письменного согласия их законных представителей. Однако необходимым проявлением свободы воли носителя права являются его самоопределение, независимость и

автономия как человека, а также возможность мыслить и действовать, в том числе участвовать в собраниях по собственной воле, без воздействия внешних негативных факторов на его волю.

**58.** В процессе осуществления права на участие в собраниях свобода воли сводится к внутренней автономии лица – в моделирование своего поведения без внешнего давления и иных негативных воздействий, что предполагает: **(1) автономию воли:** конституционно-правовое качество “свободное” предполагает, что решение об участии в собрании принимается лицом без принуждения, угроз или иных негативных факторов аналогичного характера. Ключевое значение здесь имеет свобода формирования воли как предпосылка реализации права; **(2) свободу самовыражения:** собрание как форма коллективного выражения предполагает, что лицо может свободно выражать свое мнение, позицию или требования. Понятие “свободное” в данном контексте обеспечивает, чтобы такое выражение не было заранее обусловлено или ограничено идеологической цензурой либо иным обстоятельством; **(3) неприкосновенность внутренних убеждений:** лицо свободно не только в участии или неучастии в собрании, но и в формировании и сохранении своих убеждений без воздействия со стороны государства или иных субъектов.

**59.** Таким образом, термин “свободное”, закрепленный в части 1 статьи 44 Конституции, следует рассматривать как качественную характеристику права каждого лица на участие в мирных собраниях без оружия, как свободу лица совершать правомерные действия, не подвергаясь негативному воздействию, а также свободу добровольного участия. Публичная власть, взявшая на себя обязательство по непрерывному развитию демократии, должна проводить комплексную правовую и практическую политику, центром которой должно стать формирование благоприятной среды для действительно свободного осуществления лицом права на участие в собраниях и их организацию, где автономия воли человека будет реальной, действенной и эффективно гарантированной.

**60.** Публичная власть, выступая в качестве обязанной стороны в правоотношениях, связанных с участием в собраниях, исполняет обязанность гаранта конституционных условий права на свободу собраний – их мирного характера и отсутствия оружия, а также трех аспектов свободы этого права, из чего следует, что публичная власть должна формировать комплекс таких гарантий и механизмов (включая правовые), которые обеспечили бы конституционные условия свободы участия в собраниях, вплоть до установления юридической ответственности за общественно опасные деяния, посягающие на свободу участия.

**61.** Часть 2 статьи 44 Конституции касается права на свободу организации собраний, а часть 4 провозглашает, что условия и порядок осуществления и защиты свободы собраний устанавливаются законом. Таким образом, основные положения содержания основного права на свободу собраний, закрепленного в статье 44 Конституции, в качестве границ субъективного права зафиксированы в частях 1 и 2 указанной статьи и детализированы в Законе. В частях 3 и 5 статьи 44 Конституции закреплены общие и особые правовые регулирования ограничения основного права на свободу собраний, которые, однако, не имеют содержательной и системной связи со статьей 236 Кодекса как с запрещающим правовым положением. Указанное правовое регулирование – это не способ ограничения конституционного содержания основного права, являющегося предметом настоящего рассмотрения, а уголовно-правовая гарантия принципа “свободы”, являющегося частью конституционного содержания указанного основного права.

**62.** Принимая за основу указанный исходный вывод, Конституционный Суд считает, что с этой точки зрения необоснованными являются аргументы Заявителя, согласно которым часть 2 статьи 236 Кодекса в части установления ответственности за создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в нем представляет собой ограничение основного права и как таковое противоречит статье 44, принципу соразмерности, закрепленному в статье 78, а также статье 81 Конституции<sup>2</sup>.

**63.** Подводя итог, Конституционный Суд констатирует, что преступные деяния, закрепленные в части 2 статьи 236 Кодекса, в частности “создание материальной заинтересованности (...) в участии в собрании или в отказе от участия в собрании”, являются уголовно-правовыми гарантиями конституционного условия свободы участия в собраниях.

**б) В части криминализации создания материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в собрании**

---

<sup>2</sup> Конституционный Суд считает необходимым отметить, что ссылки на международные договоры и консультативные документы, содержащиеся на страницах 14-21 обращения, а также приведенные из них, равно как и из решений Европейского суда по правам человека по делам “Ашугян против Армении” от 17 июля 2008 года и “Мкртчян против Армении” от 11 июля 2007 года выдержки относятся к вопросам свободы организации и проведения собраний либо свободы участия в собраниях к аспекте status activus или status negativus, но не затрагивают элемент status libertatis voluntatis.

**64.** Конституционный Суд, рассматривая статью 236 Кодекса не как проявление ограничения конституционного содержания основного права, являющегося предметом рассмотрения по настоящему делу, а как гарантию принципа “свободы”, составляющего элемент конституционного содержания данного основного права, считает необходимым обратиться в данном контексте к вопросу о конституционных обязанностях публичной власти гарантировать закрепленные Конституцией основные права.

**65.** Конституционное закрепление права на свободу собраний предполагает как негативные (negative), так и позитивные (positive) обязанности публичной власти сделать его гарантированным, реальным и эффективным. Публичная власть обязана воздерживаться от вмешательства в процесс организации и проведения мирных собраний при отсутствии конституционно обоснованной мотивировки подобного вмешательства. Однако практическая реализация любого права, эффективность его осуществления требуют также позитивной, то есть активной роли государства. Если негативная обязанность государства в аспекте гарантирования свободы собраний сводится к определению пределов вмешательства публичной власти, то позитивная обязанность охватывает правовые, идеологические, институциональные, материальные и процедурные элементы и условия жизнеспособности данного права, призванные обеспечить предсказуемую и прозрачную идеологическую, правовую и административную (организационную) среду для его осуществления. Одним из ключевых элементов позитивной обязанности является защита участников собрания от вмешательства третьих лиц.

**66.** Таким образом, без эффективных законодательных механизмов и гарантий, обеспечивающих уважение и защиту основных прав, они превратятся в декларативные и практически неосуществимые права. При этом публичная власть в лице законодателя может предпочесть уголовно-правовой инструментарий гарантирования и защиты основных прав.

**67.** Конституционный Суд считает, что необходимость защиты всех аспектов свободы, являющихся неотъемлемой частью конституционного содержания права на участие в собраниях, и особенно свободы воли как конституционных ценностей, несомненно, является правовой аксиомой, поэтому, исходя из этой правовой логики, законодатель признал преступлением “воспрепятствование проведению собрания или участию в нем либо принуждение к участию в собрании, а также создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в собрании”, а также в части 2 статьи 236 Кодекса

“принуждение к участию в законном или незаконном собрании под угрозой применения насилия в отношении лица, его близкого родственника или близкого лица, уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо путем шантажа, а также создание материальной заинтересованности лица в участии в собрании или в отказе от участия в собрании” закреплено в качестве деяния, запрещенного под угрозой наказания.

**68.** Учитывая вышеизложенное, Конституционный Суд приходит к выводу, что установление правовой ответственности за деяния, посягающие на конституционные условия реализации основного права, не может рассматриваться как нарушение законодателем основного права. В то же время Конституционный Суд обращает внимание на то, что объективное основание криминализации, а именно необходимость уголовно-правовой защиты определенных конституционных ценностей, обусловлена также уровнем политико-правового сознания общества, степенью зрелости демократических институтов, социальными и экономическими особенностями, предшествующим политическим опытом и множеством других факторов.

**69.** В условиях недостаточного социально-экономического развития общества общественные отношения нередко характеризуются высоким уровнем материальной зависимости. В такой среде значительная часть членов общества, будучи социально необеспеченной, обладает более высокой уязвимостью перед внешними воздействиями, что может привести также к вовлечению в общественные и политические процессы посредством создания материальной заинтересованности. В этом контексте создание материальной заинтересованности в участии в собраниях или отказе от участия в них перестает быть “невинной” формой стимулирования и превращается в инструмент, способный подрывать сущность демократических институтов. В результате свобода собраний как форма автономного и свободного волеизъявления трансформируется в управляемое и искусственно стимулируемое “участие”, что фактически подрывает подлинность публичного обсуждения.

**70.** В демократическом обществе участие в собраниях предполагает не принудительное, непосредственно оплачиваемое участие, а осознанное, самостоятельное и свободное волеизъявление. Когда участие обусловлено материальной заинтересованностью, происходит искажение воли, превращающее ее в предмет рыночного обмена, что является недопустимым. Данное явление объективно порождает ряд системных угроз, в том числе снижение легитимности общественных и политических процессов, поскольку выражаемое на собраниях

общественное мнение перестает отражать реальные настроения общества, лица, располагающие более значительными финансовыми ресурсами, приобретают несоразмерное влияние на процесс осуществления основного права, снижается уровень общественного доверия к публичным институтам.

71. В свете вышеизложенного Конституционный Суд приходит к выводу, что в случае создания материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в собрании действительно существуют общественно опасные угрозы и риски, делающие уязвимым конституционный императив свободного волеизъявления. Общественно-политические процессы могут обуславливаться “финансовыми манипуляциями”, которые в конечном итоге могут привести к утрате конституционной сущности и содержания свободы собраний. В этих условиях криминализация: (1) выступает не как ограничение права на участие в собраниях, а как средство гарантирования и сохранения его подлинного конституционного содержания; (2) направлена на преодоление тенденций, угрожающих конституционным основам государства, идущего по пути демократии, а именно коммерциализации общественно-политических процессов, эксплуатации социальной уязвимости и искажения сущности демократии; (3) преследует цель не ограничения или запрета участия в собраниях, а обеспечения подлинности такого участия, предотвращая превращение социально уязвимых групп в политический инструмент посредством материального вознаграждения.

72. Конституционный Суд, обращаясь в ранее выраженных правовых позициях к конституционно-правовому содержанию достоинства человека как высшей ценности<sup>3</sup> и принимая за основу фундаментальное положение Преамбулы Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому “права человека вытекают из присущего человеческой личности достоинства”, пришел к выводу, что “(...) достоинство человека, являясь основой всех прав и свобод, предопределяет как содержание прав и свобод, так и пределы их осуществления” (Постановление Конституционного Суда ПКС-1612), а также что одним из ключевых элементов достоинства человека является “(...) избегание нравственных страданий, обусловленных индивидуальными особенностями” (Постановление Конституционного Суда ПКС-1121)<sup>4</sup>. В этом контексте, по оценке Конституционного Суда,

---

<sup>3</sup> См. Постановления Конституционного Суда ПКС-649 от 4 октября 2006 года, ПКС-913 от 14 сентября 2010 года, ПКС-1121 от 5 ноября 2013 года и ПКС-1612 от 5 октября 2021 года.

<sup>4</sup> Европейский суд по правам человека также обращался к вопросу раскрытия правового содержания достоинства человека. В частности, Суд отметил, что сформированное им право относительно статьи 8

вышеуказанные общественные опасности и угрозы посягают на закрепленный во втором предложении статьи 3 Конституции конституционный принцип, согласно которому “неотчуждаемое достоинство человека – неотъемлемая основа его прав и свобод”, а также противоречат основополагающему положению статьи 23 Конституции – “достоинство человека не подлежит умалению”.

**73. Подводя итог вышеизложенному, Конституционный Суд считает, что установление частью 2 статьи 236 Уголовного кодекса уголовной ответственности за создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в нем вытекает из принципов провозглашенного статьей 1 Конституции демократического государства, а также из принципов неотчуждаемости и невозможности умаления достоинства человека, закрепленных статьями 3 и 23 Конституции, и призвано гарантировать право на свободное участие в мирных собраниях без оружия, установленное статьей 44 Конституции.**

**в) В части определенности уголовно-правовой формулировки “создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в нем”**

**74.** Конституционный принцип правовой определенности посредством предъявления к правовым нормам требований четкости, доступности и предсказуемости является ключевой гарантией материализации в правовой системе идей верховенства права и правовой безопасности, вытекающих из основ конституционного строя правового государства, важность чего неоднократно подчеркивалось в постановлениях Конституционного Суда (Постановления от 18 апреля 2006 года ПКС-630, от 13 мая 2008 года ПКС-753, от 18 апреля 2014 года ПКС-1148, от 3 мая 2016 года ПКС-1270). В соответствии с правовыми позициями, сформулированными в указанных Постановлениях, позиции, разработанные созвучно принципу правовой определенности, выраженному в решениях Европейского суда по правам человека, требуют, чтобы соответствующие правовые нормы были сформулированы с достаточной степенью ясности и точности, что позволило бы адресатам скорректировать свое поведение в

---

Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в целом признает важное значение частной жизни и связанных с ней ценностей. К числу таких ценностей, помимо прочего, относятся психологическое благополучие и человеческое достоинство (Beizaras and Levickas v. Lithuania, жалоба № 41288/15, 14.01.2020, окончательное решение от 14.05.2020, § 117), а также физическая и психическая неприкосновенность личности (Söderman v. Sweden, жалоба № 5786/08, 12.11.2013, § 80).

соответствии с ними и предвидеть правовые последствия, которые могут наступить в результате их действия.

75. Конституционный Суд считает необходимым отметить, что: (1) в реализации либо в отказе от реализации ряда конституционных прав и свобод существенную роль нередко играет материальный интерес или создание материальной заинтересованности, а в отдельных политических и правовых процессах это зачастую является естественно и правомерно предполагаемым. Мирные собрания могут преследовать самые различные цели, включая выражение взглядов, предполагающих определенные материальные ожидания, защиту интересов и прав. Например, организатор собрания или проводящее собрание лицо может агитировать за участие в собрании либо за отказ от участия в нем, одновременно продвигая определенные материальные выгоды и интересы в качестве цели проведения собрания или ожидаемого от него результата; (2) с другой стороны, необходимо учитывать риски, возникающие вследствие возможного расширенного толкования, на что указывает Венецианская комиссия в своем Консультативном заключении CDL-AD(2025)037, отметив в пункте 25, что такие формы материально-технического (логистического) обеспечения, как транспортировка участников демонстрации, обеспечение их питанием и размещением либо возмещение расходов основных выступающих, являются стандартными процессами организации мирного собрания.

76. Конституционный Суд, оценивая в своем Постановлении от 29 апреля 2022 года ПКС-1646 конституционность уголовно-правовой формулировки с точки зрения принципа правовой определенности, констатировал: *“В то же время Конституционный Суд подчеркивает, что правовую определенность не следует абсолютизировать. Само по себе правовое регулирование не является проблематичным вследствие наличия оценочных понятий, в условиях чего задача восполнения объема определенности и миссия придания правовым положениям необходимого и достаточного для их применения содержания отведена правоприменителю”*. В указанном Постановлении Конституционный Суд также пришел к выводу, что общий и оценочный характер терминов и формулировок, содержащихся в правовых положениях, не нарушает принцип правовой определенности, следовательно, *“(…) Содержание имеющих общий характер формулировок, содержащихся в оспариваемом положении, должно раскрываться в рамках правоприменительной практики с учетом каждого конкретного случая и его особенностей (...)”*.

77. В этой связи устоявшуюся правовую позицию имеет также Европейский суд по правам человека, согласно которой, хотя определенность формулировок крайне желательна, в то же время необходимо избегать их чрезмерной жесткости - право должно быть способно адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. По этой самой причине часто в законах имеются термины, которые более или менее неопределенны. Их толкование и применение являются вопросами судебной практики (*The Sunday Times v. the United Kingdom*, Application no. 6538/74, 26.04.1979, §49).

78. Конституционный Суд констатирует, что законодательной формулировке состава преступления **“создание материальной заинтересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в собрании”** не присуща неопределенность, обусловленная неясностью и неточностью. Проблема заключается в ее оценочном характере, обусловленном абстрактностью формулировки, что, однако, не нарушает принцип правовой определенности. Надлежащим способом обеспечения требуемой для правовой определенности точности, предсказуемости и доступности содержащегося в части 2 статьи 236 Кодекса создания материальной заинтересованности как абстрактного правового положения, является его толкование и применение во взаимосвязи со всеми элементами состава преступления (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона).

79. Таким образом, задача надлежащего толкования понятия **“создание материальной заинтересованности”**, используемого в законодательной формулировке состава преступления **“создание материальной заинтересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в собрании”**, и обусловленный этим вопрос наличия или отсутствия преступного деяния, исходя из сопоставительного анализа всех фактических обстоятельств данного дела, находится в сфере оценки правоприменительной практики, то есть органа, осуществляющего производство по делу, в том числе трехступенчатой судебной системы. Правоприменительные и судебные органы должны руководствоваться императивом формирования единой практики применения оспариваемого положения, что будет способствовать повышению правовой предсказуемости и уточнению пределов усмотрения при оценке абстрактных понятий.

80. *“Даже при максимально четкой формулировке правовой нормы судебное толкование не исключается. Необходимость разъяснения правовых положений и приведения их в соответствие с изменяющимися обстоятельствами – развивающимися общественными отношениями - существует всегда. Следовательно, определенность и четкость*

*законодательных регулирований не могут быть абсолютизированы – даже недостаточная четкость может быть восполнена толкованиями суда” (Постановление Конституционного Суда от 3 мая 2016 года ПКС-1270).*

81. Следовательно, Конституционный Суд считает, что правовая определенность является конституционным критерием, к которому должны постоянно стремиться не только правотворческие органы (законодатель), но и правоприменительная практика, толковательные правовые позиции которой в рамках каждого состава преступления должны строиться на вытекающих из конституционного принципа правовой определенности четких методологических основах оценки и толкования законодательной характеристики преступного деяния, обеспечивая в первую очередь соблюдение и защиту основополагающих прав и свобод человека.

82. Конституционный Суд считает необходимым отметить, что **“создание материальной заинтересованности”** не может квалифицироваться как правомерная материальная выгода, ожидаемая от преследуемых проведением собрания целей и результатов, а также необходимые в ходе подготовки и проведения собрания организационные расходы. Субъекты применения права обязаны ограничивать являющуюся предметом рассмотрения формулировку только таким поведением, которое оказывает влияние на формирование воли лица и тем самым нарушает свободу волеизъявления индивида при принятии решения, превращая участие в собрании либо отказ от участия в нем в фактически **“купленное” поведение**.

83. Правоприменительная практика должна руководствоваться такой логикой, что не всякий материальный стимул является уголовно запрещенным, а лишь тот, который: (1) может повлиять на выбор поведения; (2) охватывается умыслом, направленным на **создание материальной заинтересованности** с целью формирования воли участника относительно участия в собрании либо отказа от участия в нем, нарушая принцип свободы принятия такого решения.

84. Следовательно, организационные и текущие расходы, связанные с участием в собрании, которые целенаправленно не обуславливают участие лица в собрании, фактически не нарушают свободу его волеизъявления относительно участия в таком собрании и не могут рассматриваться как **“создание материальной заинтересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в собрании”** по смыслу части 2 статьи 236 Кодекса. В объективной стороне указанного преступного деяния **“создание материальной заинтересованности”** имеет

место лишь в том случае, когда материальный стимул по своему характеру и интенсивности может оказать влияние на свободную волю лица.

По результатам абстрактного контроля соответствия Конституции, в рамках представленных Заявителем обоснований, исходя из результатов рассмотрения дела и на основании пункта 1 статьи 168, пункта 2 части 1 статьи 169, частей 1 и 5 статьи 170 Конституции, а также статей 63, 64 и 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Положение части 2 статьи 236 Уголовного кодекса Республики Армения “а также создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в собрании” соответствует Конституции.

2. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ**

**А. ДИЛАНЯН**

29 апреля 2026 года

ПКС-1826

Перевод сделан издательско-переводческим отделом  
Конституционного суда Республики Армения